

СТРУКТУРА МОЛИТВЫ

ДИЕГО МАЭНЦА

Переведено на русский язык Екатериной Селло

Diego Maenza

Структура Молитвы

«Tektime S.r.l.s.»

Maenza D.

Структура Молитвы / D. Maenza — «Tektime S.r.l.s.»,

«Христианство, передаваемое через жизни священника и монаха, две истории, через которые проходят секреты, мучения от того, что герои не узнают себя в своих «грехах», отказом видеть реальность, которая каждый раз с еще большей силой показывает им, что они слабы перед признанием своих неоднозначных решений. Персонажи являются лишь фигурами, которые были размещены в сюжете для того, чтобы донести до нас неизменное и возмутительное послание: кто-то всегда есть над другими. Кто-то, кто выносит суждения исходя из своих личных интересов.» АЛЕКСИС КУСМЕ, писатель «Структура молитвы» разворачивается в среде религиозности и образованности, и так же, как на это провоцирует картина Сад наслаждений, художника Иеронима Босха, главный герой, являясь при этом, священником, пытается снова понять свои действия и действия других людей, от начала до конца времен» ВЕРОНИКА ФАЛЬКОНИ, писатель. Священник, терзаемый своими инстинктами. Является ли это бессмысленной борьбой против демона или испытанием небесным? Беременная послушница. Является ли это нарушением правил или чудом в век скептицизма? Парад знаменательных персонажей, которые защищают основы доктрины и других, влачащих жалкое существование, жизнь которых ставит под вопрос и подкашивает столпы теологии. Рассказ ведется с разных точек зрения, посредством дерзкой формальности, «Структура молитвы» нас погружает в пучину страстей, в которой моральное разложение каждого героя приведет к искуплению, которое не все смогут получить. Религиозные добродетели и мистерии веры объединяются и дают начало крестному ходу, который переходя со страницы на страницу проходит через семь смертных грехов, представление в виде бестиария, где каждому греху соответствует демон: Асмодей, похоть, Бельфегор, лень, Вельзевул, чревоугодие, Амон, гнев, Левиафан, месть, Мамон, жадность и Люцифер, гордыня. Несмотря на черствость ее строк, это вдохновляющая книга. PUBLISHER: TEKTIME

© Maenza D.
© Tekttime S.r.l.s.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ВОСКРЕСЕНЬЕ	7
ПОНЕДЕЛЬНИК	12
ВТОРНИК И СРЕДА	17
ЧЕТВЕРГ	22
ПЯТНИЦА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Diego Maenza

Структура молитвы

СТРУКТУРА МОЛИТВЫ

ДИЕГО МАЭНЦА

Переведено на русский язык

Екатериной Селло

www.traduzionelibri.it

www.diegomaenza.com

© Диего Маэнца, 2018

© Екатерина Селло, перевод, 2020

© Tektime, 2020

www.traduzionelibri.it

www.diegomaenza.com

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВО ИМЯ ОТЦА

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Свет и тень

Pater noster, qui es in caelis...

Тьма, это слепота мыслей, рокот тишины. Тьма, это чума, которая через головокружение превращается в ласку, холод, который пронизывает кости, горечь, которая, со стоном проглатывается. Тьма, это приговор к страхам прошлого, смутное предвидение бедствий в будущем, туманность, которая сжимает все чувства. Тьма. И вдруг, дети мои, вы можете созерцать мир. Я врываюсь в окружающий мир, как будто только что появился из недр матки. Я чувствую себя родившимся вновь, хоть и понимаю, что мои чувства меня обманывают. Я чувствую желчный запах, застрявший на моих усах, пропитавший ткань на моей подушке или просто витающий в комнате. Тем временем, мир все там же, на месте. Я прихожу в себя и свет, проникающий через окно, меня слепит и заставляет закрыть лицо. Я очнулся после беспокойного сна, который моя душа перенесла не без подскоков. В изумлении, я осматриваю, как в первый раз, пустоту стен комнаты, плачевность, которая сочится из ее ветхих трещин, серые фотографии, в контрастных цветных рамках, рисунок маленького мира, закрытого в кристаллическую сферу, которая может защитить от некоей внешней опасности, которая может снова поразить эту местность, или, наоборот, служит щитом, удерживающим то зло, которое может породить эта истощенная земля, чтобы никакая любопытная Пандора не смогла открыть ее зловония. В глубине этого мира, я снова наблюдаю Божий лик. Закрываю глаза и молюсь. Дорогой отец, освободи меня от всех грехов, ты правишь на земле и на небесах, и твои пути чисты и неисповедимы, очисти мою душу, для того, чтобы она была освобождена от соблазна и благослови мой день.

Я прихожу в себя и ощущаю горечь вина, расположившегося в моих внутренностях, где-то среди моих тканей. Я перемещаюсь в ванную комнату, где зеркало мне показывает гной, запачкавший мои глаза. Я его убираю подушечками пальцев, это движение провоцирует содрогание. Умываю лицо с мылом и водой. Зубная паста очищает мой рот, который источает утреннюю вонь, к которой я уже привык. Я с удовольствием опорожняюсь и нахожу на передней части моего нижнего белья несколько пятен, которые выдают вязкость утренней субстанции, появляющейся почти каждый день и имеющей странный блеск. Господи, какими прекрасными и жестокими бывают сны. Только во сне я могу быть тем, кем являюсь на самом деле.

*

Газета рассказывает каждый раз об одних и тех же новостях. Но его внимание привлекает заголовок на странице в толще газеты, на которой рассказывается о последних заявлениях святого отца. Он читает содержимое статьи, написанное мелким почерком, изучает фото в цвете, напечатанное здесь же, рядом с текстом. Облаченный в плувиал, перегнувшись, по традиции,

через бортик главного балкона Собора Святого, он объявил канун Страстной недели. Отец Мисаэль, назовём уже его имя, молится и готовится к мессе.

*

Я не могу отделить это видение. Оно во мне и не оставляет меня. Как же я страдаю от этого воспоминания, в те моменты, когда нахожусь перед алтарём. Я с трудом выдерживаю эту пытку в те моменты, когда выплевываю потрепанные наставления во время мессы, которые прихожане воспринимают как нечто новое. Я с трудом сопротивляюсь до тех пор, пока божьи плоть и кровь не очистят меня. И все из-за этого видения. Она наполняет меня и властвует надо мной, это проклятье, появившееся из преисподней, которая сломала мой дух, и я могу надеяться только на защиту Всевышнего, который освящает мой путь.

*

За столом, откладывая одно из блюд с овощами и прихожу к выводу, что я приготовил неумеренный обед. Обращаю незаслуженное внимание на чистоту мебели, пола, полки уже без пыли, имитации императорского фарфора, которая слепит своим необычайным блеском с изображенными на ней голыми бледнолицыми херувимами. Дисциплинированный Томас сопит снизу, изображая хвостом нечто подобное приветствию. Мальчик пьет апельсиновый сок, который вытекает через зазор между его губ, и эта неуклюжесть вызывает у меня улыбку. Я ем только салат и полстакана фруктового сока и отодвигаю рыбу, как отодвинул остальную часть еды. В моем правом глазу снова образовался глазной гной, который я убрал стыдливо и с некоторым смущением, потому что парень, рассказывавший мне о некоторых частях Библии посмотрел на меня с изумлением. Томас идет за мной до кухни боевым шагом, выпрашивая своим лаем что-нибудь, что удовлетворит его желудок и остановит течение слюны.

*

Поднимаюсь по лестнице и направляюсь в спальню. Пытаюсь отдохнуть. Напрасно. Проваливаюсь в сон, который давит на меня как сизифова скала, исчезающая вместе с пробуждением. Тьма. И вдруг появляется повторяющаяся картинка, которая проходит раз за разом, как будто я смотрю в калейдоскоп, который мне раз за разом покажет одну и ту же картинку без изменений. Молюсь Богу, чтоб он избавил меня от этой пытки, и моя душа отдыхала бы от этого беспокойства. Огромные уши, отрезанные при помощи ножа. Это та самая картинка и я знаю, откуда она. Из моих воспоминаний о картине в спальне, в этом нет никакого сомнения. Из постоянного и безустанного вечернего наблюдения, которое я провожу, изучая картину, каждый раз когда позволяю ее дверям открыться. Это неудачная копия, почти разрушенная, знаменитого триптиха великого художника, которая мне стоила накоплений за всю мою жизнь. Надо признать, что она представляет собой ничтожную вещь, если брать в сравнении с оригиналом, хоть и является точной копией, соблюдающей все пропорции. Любуюсь миром. Я позволяю открыться дверям произведения, расположенного на дубовом столе и фиксирую взгляд на параллельном мире: рай, сад и ад. Это меня впечатляет, как и каждый вечер.

Искусство художника настолько безупречно, что оно поражает даже при передаче через не очень искусного копииста. Я посещаю фреску на закате, изучаю ее составные части, пытаюсь расшифровать алхимию, которая породила, теперь уже разрушенный, рай, искусство демиурга, который выковал ад, и пытаюсь понять. Потому что, только понимая, возможно отбросить путь, который ведет к этим мучениям.

*

Выхожу из сна с болями в теле, в дремоте которая стесняет мое тело и провоцирует меня на грех. Ко мне приходит ощущение, что я сам не свой, мне хочется уехать в ссылку, где мне не придется нести на себе ту стигмату, которая меня выделяет среди людей. Сбежать от божьего взгляда, чтобы его глаза более не останавливались на мне и, таким образом, удовлетворят мои безумные идеи. Богохульские идеи посещают меня каждый день. Я молюсь о том, чтобы демон оставил меня и чувствую, что Бог меня возвращает в веру, и уводит Люцифера от моей плоти, которая начинает холодеть. И я молюсь, не могу ничего делать более, кроме как умолять небеса дать мне силы избежать ловушку моего тела, чтобы отвести интриги моего вероломства, чтоб убежать от наклонностей к которым меня склоняют мои чувства. Я прибегаю к некому самозерцанию, которое меня спасает, хотя бы на этот раз. Молюсь и готовлюсь к мессе.

*

Парень проходит мимо двери в мою комнату и а секунду задерживается, наклоняется чтобы поправить свою обувь. Его белая пижама просвечивает и открывает взгляду его тело, придавая при этом вид порочного эфеба. Но на его лице читается невинность, целомудрие. Искусственное освещение придает его щекам бледно-розовый отблеск, который ослепляет в полутьме дверного проема. Он абсолютно ничего не знает о своей привлекательности и какое опасное влечение он провоцирует на каждом своем шагу. Он выпрямляется, направляет свой взгляд внутрь комнаты и в своем смущении пытается попрощаться со мной с поклоном, который мне кажется далеким и ненужным. Жестом приглашаю его приблизиться. Я его благословляю и осеняю крестом. Моя рука, почти превратившаяся в кулак, опускается на уровень его рта, смотрю как его губы ласкают мои пальцы, люблюсь его лицом рядом со мной и, наконец, дрожь пробегает по моему телу, его образ похож на образ архангела. Я беру его за плечи и осеняю знаменем креста, который оставляю поцелуями на его лбу. У меня нет иного выбора, как позволить ему удалиться и отправиться на молитву.

*

Молодой Мануэль поверил в слова отца Мисаэля. Он его приглашает каждую ночь для молитвы. Он его обучил мистическому искусству молитвы, ухода внутрь себя, который, по словам священника, очищает душу, которая после этого становится свободна от любого греха, и дает ему возможность быть очищенным сыном божьим. И Мануэль полностью отдается этому действию. Священник ему открыл догмы. Он показал ему, что вера, это то, что важно более, чем все остальное и что необходимо всегда верить в неисповедимые пути господни. И молодой парень ему верит. Иногда, когда он становится на колени перед кроватью, святой отец размещается сзади него и кладет свои руки на руки молодого человека. Это усиленная молитва, шепчет он ему на ухо. Так Господь нас лучше услышит, тебя как сына и меня как отца, каждый раз говорит ему еле слышно, раскрывая перед ним секрет, который не должен быть услышан небольшой фигуркой человека, распятого на кресте, которая подвешена над изголовьем кровати. Во время холодных ночей, Мануэль находит приятными эти двойные молитвы, но во время жарких дней, они ему кажутся невыносимыми, он не может переносить прилипчивое тело, приближенное к его ягодицам, жаркое дыхание святого отца во время молитв, и прощальные слова, закрепленные сочным поцелуем в затылок. Но сейчас он стоит на коленях, упершись локтями в матрас, он молится напротив изображения мессии, но святой отец не пришел.

*

Этой ночью я не встану. Бог усилил мою веру. Бог мой пастух, мой гид, мое светило и мой путь. Выслушай мою молитву и позволь мне быть сильным, не позволяй мне упасть во тьму греха, возлюбленный Бог, возлюбленный Отец.

*

Какой ужасный сон, Господи. Спаси меня, Господи. Сохрани меня и защити меня, Отец. Заботься обо мне, Господи. Какой ужасный сон. Помогите мне, Господи, умоляю тебя. Я больше некогда не позволю себе утонуть в удовлетворении греха. Клянусь. Потому что я не переношу эту тьму. Мои глаза не переносят столько тьмы. Я движусь, трогаю свою кровать, не такую теплую, когда в ней не лежит мое тело. Трогаю шкаф для одежды, твердый как чернота, которая меня душит. Я не нахожу выход, который бы меня вывел к свету, Господи, проведи меня к вызволению. Не позволяй мне еще раз споткнуться. Дотрагиваюсь до холодной стены своими руками, они холодны и теряются в общем холоде стены. Покажи мне путь, Господи. Я продолжаю кричать. Этот дом настолько грустен, настолько одиноко, настолько большой что отец Мисаэль не может меня слышать. Тем не менее, ты, Господи, возлюбленный Отец, который слышит все стоны твоих сыновей, направь мои шаги, выведи их в свет, выведи меня из этой тьмы и я обещаю, что буду верен тебе до моих последних дней. Обещаю дарить тебе мою веру каждое утро. Обещаю выполнять покаяния. Я верю тебе, Господи, возлюбленный Отец. Твое слово будет лампой для моих ног и светом для моей дороги. Я знаю, Господи, я полностью тебе верю. Направь меня к свету. Выведи меня на свет.

*

Дверь открывается и молодой парень, босоногий, зовет внутри комнаты отца. Ему пришлось пройти через длинный коридор, который разделяет комнаты, как бесконечный порог между раем и адом.

*

Он пришел ко мне весь дрожа и цокая зубами от холода.

Мне приснился страшный сон, отец. Мне приснилось огромное существо с куклой в зубах. Это было ужасное создание. У него были огромные и красные глаза, оно смотрело на меня, держа меня в зубах. Потому что эта кукла была никем иным как мной. Таким образом оно на меня смотрело. Оно выдыхало пар как бык, и его слюна была очень жидкая, липко спадала, и была мерзкая. Кругом была тьма. Но его глаза, Господи, эти ужасные глаза.

Заходи мой сын, говорю ему. Я его принимаю в свою кровать, и внутри себя улыбаюсь его детскому страху темноты.

*

Войди, парень. Войди с триумфом в Иерусалим, который тебя требует.

*

Очередной ночью, отец Мисаэль не сможет уснуть, потому что, в то время как парень спит в его кровати, он, высунувшись в окно, хочет только выпить бокал вина. Не того вина, которое превращается в кровь господнюю, а того, которое успокаивает нервы и подавляемое желание быть кем-то другим. Внизу, город спит. Далеко впереди не наблюдается ни одного светлого окна, и он понимает, что его бессонница настолько обширна, что не сравнится ни с чьей другой. Это одиночество без конца и передышки. Он признает, что таких как он больше нет. Никто в мире его не поймет. Не поймет. Бог, в своем безграничном знании и с вездесущим взглядом, не поймет. Не поймет.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Молитва и богохульство

...sanctificetur nomen tuum

Грудь хрипит и землетрясение в миниатюре, рожденное в бронхах растягивает грудную клетку, рождает в кольцах мурлыкающей трахеи несознательный и коллективный ответ, порожденный миллионами бактерий, жадных до субстанций, сотрясая на своем пути глотку и гортань. Это микроскопическое нашествие движется и распространяет свое влияние содрогая всю глотку и кадык. Миниатюрный циклон выносится на слизистую мембрану и распространяет наводнение между носом и небом, провоцируя сокращения в резком хлопке храпа.

*

Я размышлял на протяжении всего бодрствования ранним утром, прося небеса о милосердии, слушая шепот моих коротких молитв, которые смешиваются с раскатами дыхания парня. Звук его воспаленной груди был еще одним стимулом для моего бодрствования. Позову врача при первой же возможности. Каждый раз, когда я позволял появиться желанию любоваться его анатомией, пока он лежит на моей кровати, я поддавался желанию вести себя как сын божий. Следовать за шагами пророка и не отступать не на шаг перед попытками зла. Я хочу служить тебе, Господи, и победить соблазн демона, и показать ему, что человек не живет одним лишь телом Он пытается союлазнять меня, отдалить меня от тебя, мой возлюбленный отец, но я подчинюсь одним лишь твоим указаниям.

*

Томас видит тени там, где их нет. Он их выдумывает. Иногда, солнечным летним утром, он гоняется за ящерицами, животными, которые прячутся между стенами и камнями в саду, в расщелинах деревьев на заднем дворе, в трещинах оконных рам, куда эти животные забираются, чтоб погреться на солнце. Томас их ругает голосом старика, грубым ворчанием, наполненным медлительностью и горячностью. Хотя, в других случаях он бросает камни с такой необычной энергией, как-будто хочет показать свою значимость и авторитет, его талант караульного, Цербера, занятого этим частично, на страже своих слабых противников, подтверждающего, что никто не может узурпировать власть над его территорией. Сейчас прыгает повторяющимися рывками, силы на которые он нашел ко знает в какой части своей анатомии, и отчитывает червя, который, наверняка, хотел спрятаться в какой-нибудь ветке миндального дерева, вокруг которого пес совершает круги своей западни, продолжая лаять и лаять. Но, в целом, обычно это все плод его уставшего воображения, его дальтонической фантазии, раздраженной его измотанной обонятельной остротой, которое рисует мучающих его демонов. Наблюдая за ним, я думаю о том, что, в конце концов, мы не такие уж разные. Простые животные, действующие исходя из инстинктов и следующие за капризами нашей природы. Но все было бы в точности так, если бы у нас не было души. Спасибо тебе, возлюбленный Боже, что вдохнул в нас душу.

*

Я провел причастие в отсутствие парня, и хоть нашлась рука, готовая помочь и раскачивать фимиам, все прошло для меня не так, как бывает обычно, когда он на месте. Не видеть его пару часов оказалось большим мучением, чем чувствовать его, лежащего в нескольких сантиметрах от моей кожи.

*

Вердикт врача все расставил по своим местам. У мальчика была острая респираторная вирусная инфекция, подтачивающая его защитные способности, сказал врач строгим голосом, но с намеком на улыбку на лице, но через апру дней отдыха и небольшого количества обезболивающих, он снова будет здоров. Я проводил его до двери, чьи петли издают пронзительный скрип из-за ржавчины, мы аж взд рогнули от этой слуховой агрессии. Переступив через порог, врач торжественно разворачивается, и покорно нагнувшись, просит его благословить. Я рисую крест в воздухе, прямо напротив его лица, затем, испросив позволения, уходит. Парень снова засыпает, вдыхая и выдыхая с большим трудом. Я трогаю его лоб, чтобы определить температуру, но единственное, чего я добиваюсь, это дрожи во всем теле, а мои руки вспотели.

*

Я присутствовал во время работ в канцелярии, провел несколько бесед с прихожанами, в целом, банальных. Освободившись от моих обязанностей, иду по мостовой по набережной реки, которая сообщает этот маленький город с соседней деревней. Легкий ветер нарушает тишину со свистом и взлохмачивает мои волосы. В конце лета много приятных тихих звуков. Ласточки как обычно мигрируют на запад, это паломничество больше похоже на страдание, потому что птицы покрывают своими экскрементами автомобили, скамейки, площади и прохожих, пролетая над центральным парком.

Как раз сейчас, когда я иду мимо центрального парка, я слышу хор этих мелких птичек, сидящих на электрическом кабеле. Они устраивают коллективную болтовню, во время коротких перерывов, созерцая сверху проходящий под ними транспорт. Продолжаю идти по самой тихой улочке, которая есть у вилл близлежащих к городу, переулок, без проезжей части, который стал обязательным пунктом моего маршрута всякий раз, как я отправляюсь за покупками. Все здесь дышит спокойствием, без рокота моторов и таких надоедливых клаксонов. Вдруг раздается шум из бильярдного клуба, который был недавно открыт. Слышны оскорбления на повышенных тонах, все более и более вульгарные, они слетают с губ парня, который не робеет, не смотря на грозность своего противника, гордо несущего на своем теле пошлые татуировки, которые позволяют определить его как человека, не так давно пребывавшего в отдаленных местах заключения. Я решаю быстро ретироваться, и развернувшись на моих каблуках, слышу глухие удары, которые сотрясают тела. Выхожу на центральную улицу. Иду, стараясь забыть о парне. Ни шум автомобилей, ни визг тормозов, ни град из звуков, обрушившийся на меня, ни недавний уличный конфликт, не помогают мне забыть о нем и хотя бы немного ослабить мои страдания. Я пытаюсь развлечь себя, придумывая мирное решение потасовки в переулке. Я добираюсь до конечной точки моего пути, так и сбросив с моих плечей камень, который давит на мою душу.

*

Рынок охвачен пожаром звуков. Крики пронзают назойливое скопление продавцов, настойчиво продающих фрукты, овощи, зерно, прочие товары для жизни, и дан привкус эйфории тех мест, в которых скапливается простой люд. Как обычно, я иду в рыбный отдел и беру все как обычно по понедельникам. Вот пожалуйста, святой отец, мне говорит Леандро, продавец, который знает меня уже много лет, и заворачивает в какие-то старые газеты рыбу, которая все еще бьется в эпилептических конвульсиях. Когда я выхожу с рынка, слышу стоны полицейских сирен, привлекая любопытных, стекающихся к месту происшествия для того, чтобы удовлетворить свое любопытство и оценить обстановку. Проходя мимо переулка, в котором была драка, вижу как здоровяка связывают и затаскивают в патрульную машину, борясь с его сопротивлением. Дерзкого парня нигде не видно. Я удаляюсь, снова размышляя над тем, как закончилась история в баре. На меня обрушивается воспоминание о парне, его голос звучит в моих ушах как хор ангелов. Я понимаю, что грубости великана с татуировками являются богохульством. Произношу несколько молитв по пути домой.

*

Сеньора Саломея мирно дефилирует передо мной, покачивая метлой, с Томасом, следующим за ней по пятам. Она привыкла к моему присутствию на диване, к моей обычной прострации, во время которой я впадаю в транс под воздействием ощущений, о которых она никогда не подозревает. В некоторые моменты я понимаю, что привык к тени ее анатомии, перемещающейся по комнате. Возвращаюсь в действительность с ощущением тоски и направляюсь в свою комнату.

*

Музыка проникает в мои чувства и ее мелодичная алхимия оставляет в ней след. Закрываю глаза и перемещаюсь в другой мир, более приятный, в место, наполненное бесконечной радостью, в рай, созданный из цветов, тюльпаны, далии, агератумы, хризантемы, орхидеи, ирисы, потеряться в этом месте благословение. Это единственный способ сбежать от настойчивой и непрекращающейся мысли.

*

Хрип содрогает тело парня. Сила, которая сокращает и отпускает с силой диафрагму, выходит из легких и грубо выкатывается на язык, проходя через голосовые связки, которые превращают импульс в громкий и резкий звук. Кашель материализуется в виде плевка мокроты, которая проходит через горло и заканчивает этот путь из окна в сад. Парень долго кашляет, с паузами, которые едва дают отдохнуть пылающим миндалинам. В то же время, надоедливый лай Томаса наполняет весь дом, несмотря на то, что он находится во дворе, и можно убедиться, что его охота не была напрасной, он, наверняка, обнаружил какого-нибудь жучка, или это очередной обман его старых органов чувств.

*

Повторяющееся звонко разрушает тишину, в то время, как я слышу за своей спиной, как туфли сеньоры Саломеи быстро передвигаются по плитке, останавливаются у своей цели и я слышу пластиковый звук снятия трубки телефона. Звон столовых приборов доходит до ушей Томаса, органа чувств также уставшего, но более бодрствующего, чем почти потерянный нюх. Но, возможно, я преувеличиваю, и он пришел к столу из-за запаха рыбы. Парень отдыхает. Я аккуратно пережевываю еду. Соленая мягкость балует мое небо и я слышу хруст уничтожения мелких косточек на моих зубах. Сеньора Саломея убирает со стола. С официальным видом она мне сообщает, что должна сегодня уйти пораньше по личным причинам, из-за которых она также должна будет отсутствовать пару дней. Я жестом соглашаюсь.

*

После наблюдения за разрушенным миром, я открываю триптих. Мой взгляд падает на парвый край, на котором расположились сложные иллюстрации. Я задаюсь вопросом, является ли ад на самом деле таким помпезным местом. Возможно, это бесконецный крик, который разрывает наш мозг и наши внутренности и потом заставляет собирать наши обломки? Или все эти музыкальные инструменты, изображенные на картине, на самом деле не произносят никаких звуков и вечная тишина будет судьбой для еретиков? Ад это не мягкий шепот тишины, это точно, ад это шквал рокота, который раздается для того, чтобы согнуть душу. Из-за этого один застрял между струн арфы, а другой принесен в жертву внутри гигантской лютни. После этого я начинаю размышлять над моим наказанием. Рассматриваю этого содомита, нанизанного на флейту, как первый из длинной очереди страдальцев, и как если бы я слушал его страдание, как если бы его вымышленная боль превращалась в моих внутренностях в соучастие, которое мне напоминает о том, что такое ужасы греха. Рассматриваю мужчину, в объятия свиньи в монашеской рясе, и это как если бы меня поместили внутрь картины, потому что я постоянно слышу зловоние похабного шепота, в постоянной возне возле меня, внутри меня. Я быстро закрываю двери в этот жуткий вымышленный мир и передо мной предстает картина земного мира, пейзаж, который мне кажется еще более ужасным. Мир наполнен грехом. Защити нас, Господи. Спаси меня, Господи. Готовлюсь к мессе.

*

Пресвятая Дева Мария. Непорочно зачавшая. Я согрешил, святой отец. Расскажи мне о своих грехах, дочь моя. У меня были сладострастные мысли. Ночью я его увидела почти голым и захотела его тело, захотела очень сильно и страстно. Это очень плохо, святой отец?

*

Священник слушает и задерживает сочувственный вздох. Он слышит эту историю от каждого верующего, слегка измененную несколькими мотивами. Это желание. Греховное, отвратительное желание. Отец Мисаель, как и каждый раз после подобного ритуала, выскажет свои строгие замечания, как он и делает прямо сейчас, сохраняя при этом свои обычные интонации, после того, как выслушал интимные подробности, которые включают в себя покаяние души. Господи, милостивый отец, который помирился с миром через смерть и воскрешение его Сына, и разлил Святой Дух для очищения от грехов, дарует тебе, благодаря Церкви, про-

щение и мир. И я отпускаю тебе твои грехи во имя Отца, Сына и Святого Духа. И исповедующийся произносит Аминь с облегчением.

*

Я захожу за изголовье, сотрясаю сосуд с благовониями, которыми умашиваю свои руки. Провожу ими по поверхности его лица и, мне кажется, что я замечаю моргание, смягченное ту же хрупкой силой тепла. Парень горит. Мне кажется, что я тоже, но по другой причине. Спи, сын мой, я позабочусь о тебе. Уже почти уснув, я поднимаюсь и понимаю, что медикаменты смогли усмирить инфекцию. Еще раз потираю руками и провожу по его ногам бальзамом. С некоторым чувством облегчения я направляюсь в мою комнату.

*

Хвала святой воде с благовониями, которые покрыли твоё тело. Отдыхай, завтра ты встанешь и пойдешь.

*

Я брежу, раз я видел вблизи морду чудовища, и это может произойти только у меня во сне. Это лихорадка. Его слюна покрывает мое тело. Я слышу его дыхание и у меня нет сил, чтобы кричать, только немного храбрости, чтобы плюнуть в его лицо, даже не слюней, а взглядом, наполненным отвращением и ужасом. Я плачу, что нормально в моменты большого потрясения, и молю небеса, что нормально для верующего. Выгони чудовище из ада, Господи. Защити меня. Оберегай меня, Господи. Я знаю в чем мое убежище. Ты, Господи, мой пастух. С тобой у меня не будет ни в чем недостатка. Никто и нечего не сможет причинить мне вред.

*

Парень спит, наконец-то, без трудностей из-за вспышек лихорадки. Святой отец, в своей комнате готовится променять свой наряд на одежду, чье удобство больше подходит для отхода ко сну. Он раздевается и рассматривает свое тело в зеркале. Пушок закручивается на лобке, как круговорот выходящий из бедер и пупка и охватывают таз, стремясь к эпицентру его интимной части, которая по-немного начинает демонстрировать сильную эрекцию. Освободи меня от греха, Господи, молит он, безуспешно. Его желание превышает возможность воздержания. Но, вскоре, он чувствует себя наполненным импульсом, непривычная буря, которая растягивает его грудь в знак удовлетворения, которое останавливает приток крови к пенису, спровоцированный его природой. Он благодарит Бога, надевает одежду для сна, и падает на колени перед кроватью. Благодарю тебя, Господи, произносит он, в то время как слезы текут по его щекам. Сегодня его глаза отдохнут со спокойствием. Его уши влущиваются в глубокою тишину томной ночи. Похоже на то, что Бог услышал его. По крайней мере, это то, во что отец Мисаель хочет верить.

ВТОРНИК И СРЕДА

Благоухание и смрад

Adveniat regnum tuum.

Он витает в воздухе, иногда испаряясь, убегая, играя, и затем смущенно показываясь, снова надоедливо терзая удовольствием мое обоняние. Ухватываю аромат и чувствую как мышцы моего лица растягиваются в улыбке наслаждения. Я удовлетворяю необходимость вдыхать ноздрями воздух, наполненный благовониями, утоляю жажду запахов, глубоко вдыхая и теряясь в поту цветов. Когда я открываю глаза, вид лица парня рядом со мной, возвращает меня в реальность из моих рутинных вдохов, здороваясь с ним я захватываю воздух, который променял запах его щек на зловоние моего утреннего желчного дыхания.

*

Я решил, что парень продолжит отдыхать, я провел мессу без его помощи. В этот раз я более спокойно перенес его отсутствие. Я раскачивал кадиллом, чей дым обволок мою кожу своей резиновой эссенцией. Сейчас я вижу как он лежит в кресле, протирая свой нос платком цвета хаки, в то время как через экран проникает доза двигающихся рисунков. Я выхожу на улицу и направляюсь на рынок.

*

Причал пустынен. Свежесть реки приносит мне запах пресной воды с простым ароматом пальм, расположенных по кромке берега. Путь достаточно прост. Все тот же переулочек встречает меня запахом большого количества пива, урины из разных уголков, столбами запачканными нечистотами. Я ускоряю шаг, и, одновременно, читаю название нового питейного места, выведенное большими буквами под наклоном. Место, где люди себя теряют, Господи, и в моем любимом переулочке.

*

Рынок это вихрь запахов. Овощи и травы, зерно и моллюски, полу-фабрикаты и фрукты, источают насыщенную гамму ощущений, которые наполняют обоняние. Я направляюсь к тому месту, в котором продают специи. Я впитываю запахи корицы, кумына, гвоздики и сладкого перца. Распознаю специи монетами, которые Исаак, продавец, холостяк с мясистым лицом, берет с жестом симпатии.

*

Разделяю окуня на большие ломти, которые, сначала, помещаю в воду и затем, когда мясо полностью очищено, в сок лимона и соль. Остужаю приготовленную еду и раскладываю ее на фарфоровом блюде. Запах аппетитный и сильный, настолько, что Томас оставил свой

пост каждодневной битвы и дежурит возле меня с оголодалым видом, на пороге кухни, из-за чего я, возможно, перестану скептически относиться к способностям его носа. Перемешиваю шарики перца, палочки корицы, гвоздики и кумина. Добавляю уксус. Слезы стекают из моих глаз и я бросаю в сковороду измельченный лук, источающий сладкую вонь. Туда же кладу рыбу с небольшим количеством хереса. Все это закрываю крышкой и оставляю готовиться на медленном огне.

*

Я снова обратился к мольбе о божьем прощении. Я каюсь в том, что грешил в мыслях и словам, в деяниях и пренебрежении. Господи, прими этого молящего грешника, чтоб он вернулся на твой путь и был невредим в тебе.

*

Они там, зевают с удовольствием и разложением. Очарованные похотью. Разврат удовлетворяет себя в грязи и телесном наслаждении и вожделении. Бесчестные удовольствия проявляют себя в вонючей рыбе, глубоких ракушках, дерьме из тины. Козы, верблюды, лошади и птицы, жадные до удовольствия, проглатывают эту несдержанность. Это место воняет грехом и развратом. Они совращают окружающих чумой, которая исходит из самой темной части нашего естества. Я перестаю рассматривать картину и пользуюсь теми свободными минутами, что у меня есть, для того, чтобы отдохнуть, до того, как раздастся звон колоколов.

*

Я направляюсь на мессу, ощущая невыносимую усталость в мышцах. Я проглатываю два стакана воды, которые успокаивают рокот моего желудка, по крайней мере, это то, что я себе представляю или желаю. Я надеваю сутану. Я чувствую себя чище.

*

Парень задает мне вопрос, который меня изумляет. Он заставляет меня отойти назад, до тех пор, пока я не упаду побежденный на диван. Я ему предлагаю присесть рядом со мной. Он соглашается, не без жеста, который меня заставляет отказаться от мысли нарушить его размышления. Я ласково провожу рукой по прядке волос, спадающей на его лоб и отвожу его за ухо, в то место, где ей и следует быть. Я чувствую на себе его выжидающий взгляд. Я стараюсь не обманывать его и рассказываю, что Бог добр и милосерден и мы не можем узнать его или представить с анатомическим профилем, как те, что мы видим вокруг себя. Но этот урок из катехизиса не удовлетворяет его любопытство. Я показываю свою непоколебимость. Я рассказываю ему правду о том, что Бога надо любить и не пытаться его узнать. Он мне отвечает, с выражением побежденного и сдавшегося, что Бог очень сложен. Мне остается только жить и вдыхать сладковато-мускусный запах, который впечатывается в мой нос, когда он отрывает свои ягодички от дивана. Я позвал его. Он поворачивается ко мне с горящим взглядом, с таким взглядом, который вызывает во мне желание схватить его за щеки и удовлетворить свой импульс. Ноя призываю на помощь господу, который может все, и со свежими силами, отправляю парня в мою комнату. Я указываю ему на то, что это секрет. Я открываю ему, что знаю Бога. И показываю ему его.

*

Бог не мал, хоть и кажется таким на первый взгляд. Он находится далеко для того, чтобы иметь лучшую перспективу миру, вот и все. Его взгляд, мы знаем это, вездесущ. Он сидит на своем троне, на голове у него тиара, а на коленях священные писания. Его спина покрыта императорским плащом. Я могу видеть его в то время, как отец Мисаель показывает мне эту замысловатую картину. Тьма изображенная на ней, вселяет в меня страх. Тем не менее, я пере-силиваю себя. На горизонте, сквозь дымку закрывшую небо, закрытое в округлое стекло, находится Бог, и я могу его видеть. Теперь я его знаю. И вижу его улыбку.

*

Я готовлюсь ко сну в присутствии ужасной вони ег затылка. Мы помолились вдвоем, наши тела вместе, и просили Бога, чтоб он никогда нас не уводил со своего пути, для того, чтоб мы могли всегда следовать его указаниям. Воздух наполнен чем-то, что не позволяет мне нормально дышать. У меня какое-то абсурдное предчувствие, что я попаду в кошмар, из которого не смогу проснуться. Снаружи начинает идти моросящий дождь.

*

Это утро холодное. Ливень освежил окружающую среду. Я спал спокойно, в мире со своим разумом, и окруженный нескончаемым божьим милосердием. Меня успокаивает мысль, что кошмар закончил сою ночную пытку, и пришло время перемирия. Мой оптимизм не доходит до возможности быть уверенным, что я его победил. Часть меня знает, что я победоносно окончу борьбу с демоном, но другая, самая хрупкая, убеждает меня в моем поражении, потому что каждый раз мой ум уступает соблазну, и каждая часть моего тела переступает через закон, который требует соблюдать моя душа.

*

Я решил принять ванну. Я почувствовал ощущение загрязнения на моей коже, и не столько из-за смрада из подмышек после ночи, сколько из-за горы бесстыдства, спрятанного в моих мыслях. Перед тем, как подняться к алтарю, я должен быть очищен. Немного освежиться не будет лишним, и я намыливаю свою кожу. Также я очищаю свою душу молитвами.

*

Приближается зима и ее признаки ощущаются в запахах. Это может заметить любой смертный, но особенно те, кто лучше всего вооружены для подобных дел. Так что Томас, несмотря на то, что думает клирик, знает это лучше кого бы то ни было. Он изучает, как нечто новое, эфирный запах, который сочится из земли вокруг миндального дерева. Из-за этого он постоянно помечает свою территорию. Летняя атмосфера, уже на пути к своему концу, побеждена обычной влажностью смены сезонов. Запах земли наполняет все вокруг своим эфиром. Древние уверяли, что запах земли после дождя был кровью богов, эссенция, бегущая по их венам. Сегодня это всего лишь заметный запах, который время от времени, нам приносит небольшие трудности Томас понимает это. Его нос не настолько испортился, что мир ему стал безразличен. Он кое-что знает о запахах. Он кое-что понял в своей жизни простой собаки.

Теперь он перестал метить миндальное дерево и принял необычную странную позу, уже под влиянием погоды, на влажных листьях, которые формируют натуральный матрас. Его обоняние рассказало ему о священности смены сезонов. Сейчас, наконец-то, отошетшее в сторону облоко, дарует ему немного солнца, которое приветливо встречает его кожа.

*

На рынке я встретил старого друга. У нас был очень увлекательный разговор, пусть и короткий.

*

Сеньора Саломея вернулась, пока меня не было. Она мне рассказывает, в качестве оправдания, свои проблемы. Я ей даю понять, что она может не беспокоиться, что я понимаю ее ситуацию, и она может взять отгул на всю неделю. Она настаивает на том, чтобы приготовить обед, в качестве компенсации будущего отсутствия. Я не заставляю себя упрашивать. Пока сеньора готовит, я закрываюсь в своей комнате и достаю бутылку вина из моего секретного места. Я пью большими глотками.

*

Бутылка наполовину пуста и я оставляю ее без какого-либо беспокойства, на ночном столике. Потребленное вино провоцирует во мне легкое ощущение укачивания, которое я собираюсь убрать чашкой кофе. Прошу приготовить мне ванну с холодной водой, но сеньора Саломея указывает мне на то, что еда уже готова. Я потребляю суп ощущая горечь. Тепло смягчает пустоту моего желудка, странное неприятное ощущение горечи, спровоцированное выпивкой. Я выхожу из-за стола, смотря на парня, и направляюсь в свою комнату, с настойчивым желанием спать.

*

Я слегка приоткрываю глаза и первое, что вижу, это картина мира. Мое похмелье не позволяет мне любоваться мерзкими наслаждениями его сада. Я представляю голое тело парня с настоящей похотью и снова засыпаю. Когда я просыпаюсь, я замечаю необычное положение правой части картины. Прихожу к выводу, что кто-то ее рассматривал. Сеньоре Саломее запрещено заходить в мою спальню, и она всегда с следовала этому указанию, поэтому мое подозрение падает на любопытство парня. Меня это не обижает, но так же мне и не нравится это вторжение. В этот момент я ощущаю вязкость, которая запачкала мое белье во время сна.

*

Сегодня в церкви было меньше людей, чем вчера. Тем не менее, мои проповеди длились дольше.

*

В последней книг Библии говорится об аде, полном огня и серы, в качестве заключения для тех, кто предал нормы Господа. Ад, наполненный парами и зловонными испарениями, был бы неповторимой пыткой, в том числе и для тех душ, что устойчивы к слабостям тела. Я сходил по большому с некоторой трудностью и болью. Мой сфинктер выпускает газ со звуком похожим на свист. Он воняет, но я его вдыхаю, представляя пытки в аду, наполненном зловонными испарениями, и вонь сопровождаемая воображением, вызывают у меня тошноту. Я слегка приоткрываю дверь и позволяю небольшому количеству свежего воздуха проветрить экскрементные миазмы и затхлый воздух моего организма.

*

Томас обнюхивает мою ногу, наверняка он ощутил запах мыла на моем теле после ванной. Он начинает издавать неприятное ворчание. Он тянет на себя материю моей одежды для сна и пачкает ее своей слюной. Плохой пес. Теперь он уходит, довольный своей пакостью. Я сбрасываю халат и оказываюсь голым перед зеркалом. Не могу удержаться и ласкаю мои тестикулы. Электрический ток пробегает по телу. Мой пенис становится темно-красным. Видя эту реакцию, я удаляюсь от зеркала с ужасом. Недваю другую одежду и стараюсь забыть мои желания.

*

Синедрион чувств принимает предложение предать душу.

*

Я снимаю с него рубашку со спокойствием, которое мне непривычно. Но это мои руки обнажают его торс. Я укладываю его, приблизив его зад к моему лицу, которое тут же краснеет и я его отдаляю. Глажу его по спине, которая, наверняка, будет гореть от свежести ментола. Его легкие уже чувствуют это, я в этом уверен, мои руки охлаждаются в ритм массажу. В последний раз люблю его идеальной задницей доминирующего самца. Я поворачиваю его к себе лицом. Я растираю ментол на его груди и пользуюсь моментом, чтобы потрогать его стеснительные соски, торчащие без дерзости. Меня пронизывает сильный запах эвкалипта.

*

Этим утром, оба спят под шум дождя, наполняющего улицу. Ни отец Мисаель не думал о ноже, ни молодой Мануэль не видел чудовище. Возможно, они ушли. Чтобы не вернуться. Мы на пороге нового дня. В центре города, дождь удаляет все зловония из улицы с бильярдным клубом. Ливень очищает ветхое дерево на заднем дворе. Во время дождей, некоторые невинные люди утверждают, что это Бог плачет из-за грехов человечества. Наиболее верное изображением не было бы символизировано божьими слезами, которые падают на мир, а струей урины, которая нас забрызгивает, похожей на ту, что сейчас Томас льет на старое миндальное дерево. В той или иной степени, в конце концов, божья жидкость происходит из тела нематериального Бога.

ЧЕТВЕРГ

Пламя и мороз

Fiat voluntas tua, sicut in caelo, et in terra.

Обжигающий разряд пробегает по моему телу, он родился у моего затылка и проходит через весь спинной мозг. Мои связки просыпаются, и заставляют мое тело вытянуться во всю длину со сладостной болью, которая проявляется в оргазмической манере в моих трусах. Я чувствую, как мой пенис медленно опускается, сломленный приятными конвульсиями люлюции, в то время как в моей душе образуется непереносимая пустота. Холод обрушивается из открытого окна и раскачивает шторы с томным и постоянным шумом. Я вижу как бархат бьется о стену, стучит об оконное стекло, о оконную раму сделанную из ели. Я чувствую, как бриз скатывается и кружит в моих подмышках, скользит по моей коже, провоцируя мурашки. Вдыхаю. Снимаю с себя нижнюю одежду, испачканную спермой. Поднимаюсь и молюсь о слабости моего тела.

*

Я оставляю теплый кофе. Предпочитаю пить небольшими глотками абрикосовый сок. Парень рассказывает мне мирскую историю, но я не решаюсь отругать его. Просто смотрю на него и рисую на лице холодную улыбку. Сегодня также его не было и мне его очень нехватало, особенно, тогда, когда епископ Пий произнес благословение. Я смотрю на него и получаю удовольствие от созерцания черт его лица, его безмятежного взгляда, его взъерошенных волос. Я встаю из-за стола с силой и стараюсь отвести в другую сторону мой взгляд, который из раза в раз, возвращается к нему.

*

У меня снова дрожь и лихорадка. Сегодня я не буду выходить из дома, и не буду участвовать в церемониях подготовки к Страстной Пятнице. Я также оставил в подвешенном состоянии и менее значимые договоренности, следуя рекомендациям врача. Мальчик мне готовит отвар, который я пью вместе с лекарствами. Повернувшись, я вижу провокационное движение его ягодиц. Я сдаюсь и погружаюсь в сон.

*

Проснувшись, вижу лицо парня. Он был со мной все время, что продолжалась лихорадка. Он говорит, что приготовил обед и придает мне сил, принесся горячий суп, настояв на том, чтобы самому давать мне его ложка за ложкой. Затем приходит сложный момент. Я его ругаю за то, что он изучил картину без моего разрешения, и он отвечает мне, что ему было просто интересно, что она содержит. Я не собираюсь запрещать ему узнавать новое, но я считаю, что он должен сначала узнавать у авторитетного лица, возможно ли ему получить это новое знание. Он отвечает, что считает себя готвоым и просит рассказать больше о том, что изображено на

картине. После борьбы, просьб и отказов, я сдаюсь и разрешаю ему открыть картину. На его лице читается изумление. Он говорит, что это прекрасно и ужасно одновременно. Это наша душа, отвечаю я ему или просто подобная мысль возникает у меня. Из-за последствий лихорадки я чувствую себя немного пришибленным. В этот момент единственное мое желание удалиться от парня, накричать на него и приказать убраться навсегда, потому что Бог мне открыл, что он является посланником дьявола. Меня переполняет желание убрать его из своей жизни. Но я понимаю, что сделаю все наоборот, потому что я приближаюсь к нему и кладу мою руку на его плечо, это объятие наполнено намерениями. То, что ты видишь, это рай, ад, а это здесь, это мир, говорю я ему вкрадчивым голосом, показывая на центральную часть изображения. Пока что, достаточно, что ты его увидел, у нас еще убдет время изучить его постепенно. Мое тело не выдерживает и я целую его в щеку, в то время как я опускаю руку к его пояснице. Он не отстраняется. Неожиданно, он просит благословение.

*

Я отправил парня на рынок за провизией. Ощущаю его отсутствие и стараюсь бороться с желанием посредством молитвы, но, в то время, как я стою на коленях, слова застревают у меня в горле. В этот раз у меня не получается молиться. Я встаю, принимаю теплый душ, и готовлюсь встретить его в самом лучшем виде.

*

Парень, наконец-то, вернулся, но, к сожалению, вместе с сеньоритой Ракель, женщиной, прислуживающей в ценркви, молодой, несмотря на свои 40 лет, незамужней, несмотря на свою красоту. Она пришла со свитой из женщин, которые объединились для того, чтобы посетить меня и подарить фрукты, купленные, как я думаю, наверняка, у красивой холостячки. Томас приветствует виляя хвостом. Я их принимаю с видимой благодарностью, но авторитетно выношу несколько предупреждений, разясняю им что каждая из них должна принести для завтрашней процессии и мягко прощаюсь с ними, используя как предлог необходимость моего отдыха. Закрываю дверь после них на железный засов, на ржавых петлях и начинаю искать парня по всему дому.

*

Я снова приглашаю его в мою комнату. Мы некоторое время беседуем о теологических аспектах, о которых он высказывается с небольшим знанием. Я его обучаю, положив руку на его аппетитное бедро. Я ему предлагаю помолиться вместе. Я располагаюсь сзади него и мы начинаем привычную парную молитву. Я ощущаю тепло его тела, которое вытесняет окружающий холод и в то же время охлаждает жар моего тела.

*

Тело меня побеждает. Я ложусь в постель, все еще ощущая вкус фруктов во рту. Пытаюсь помолиться, но ничего не выходит. Мои мысли не здесь, а с парнем. Я иду на шатающихся ногах к двери его комнаты. Я слегка приоткрываю ее и моему взгляду предстает спящее тело, наслаждающееся полуденным сном в позе эмбриона, с задом провоцирующем меня, приглашающем меня ласкать его и укусить. Мое закоченевшее тело начинает гореть от лихорадки или от чего-то другого. В момент просветления я возвращаюсь в свою кровать.

*

Я проснулся ощущая вязкость пота на коже. Наблюдаю за слепящим послеобеденным солнцем, которое отражается в зеркале и топит комнату в своем сиянии, заполняя каждый угол. Я понимаю необходимость очиститься, горячая волна наполняет спальню и я чувствую как у меня набухло между ног. Лихорадка прошла. Я прошу принести мне немного прохладной воды.

*

Я отправил письменные указания прихожанам, относительно процессии на Страстную пятницу. Парень сопровождал меня в то время, как я писал депешу, затем он вызвался отнести ее, подкупленный перспективой изучить еще немного картину. Я не смог побороть интерес к его движениям, мой взгляд все время наблюдал за ним. Несколько раз даже, моя рука соскочила с линии и прочертила линию.

*

На обложке диска в качестве титульного листа изображена дорога, покрытая осенними листьями, и теряется за горизонтом. Желтый пейзаж изрывает лес абсолютной нежностью. Ни одна птица не нарушает покой. Ни одно животное не пытается испортить безмятежность маленького мира листьев и земли. Все готовы в любой момент отважно появиться и проявить адский рай. Я вставляю диск в магнитофон, который заставляет его быстро крутиться. Это хитроумное устройство превращает его в маленький волчок, который производит тысячу вращений в минуту. Музыка наполняет залу, очень медленная, как-будто она борется после пробуждения от летаргического сна, в который ее опрокинули запрещающие силы, вдыхает безмятежность, вкушая тишину, подвешенная в пространстве, готовая занять его полностью. Но вместо этого, будет холод. Басы задают ритм, постоянно, изобилует крещендо, которые укрощают стеснительные вступления скрипок: это шаги путника, который чувствует скорбь, это хруст льда, который вот-вот треснет. Теперь я слышу огненные вспышки первой скрипки, шторм оркестра заполняет пространство и вибрирует у ног несчастного. Дорога начинается с импульсом басов и трепещет настойчивость оставляя быстрые волны. Могучая настойчивость первой скрипки, бьет вспышками ледяного ветра, сильный холод заставляет дрожать и стучать зубами.

*

Видишь другую часть здесь, показывает мне картину сверху справа. Вся картина изображает мучения грешника. Но эта конкретная часть представляет собой то, как мы обычно себе представляем ад. Идет серный дождь, горы рушатся и погружаются во мрак, люди подвергаются невыносимым пыткам.

В этой части, показывает он мне, рисуя овал пальцем, лед сильно контрастирует с серным пламенем, внутри представления ада, места вечного истязания, часть со льдом является одним из самых ужасных мест. Видишь, как здесь растекается, и бедный человек остается на милость ледяной воды.

В этой части, показывает внизу, расположено то, что в искусстве обозначается как музыкальный ад, в связи с тем, что музыкальные инструменты используются в качестве ору-

дий пыток. Часто можно найти у художников выбирающих мистические темы. Видишь, вот волынка, здесь лютня, а здесь, арфа. А здесь ты можешь увидеть флейту.

Я его спрашиваю, правда ли аж выглядит так. Глядя в открытое окно, я понимаю, что ночь уже наступила.

Ну что ж, он мне говорит, безнадежность и мучения, конечно, хорошо представил художник, и так же и тот, кто повторил картину, мне его хочется называть пересказчик.

Я у него спрашиваю, как видят ад священные писания. Он не отвечает. Похоже на то, что он погрузился в размышления, убегающие из настоящего и от моих сомнений. Он действительно задается вопросом о том, как будет выглядеть ад.

Священные писания показывают ад как место постоянного тления, где души будет все время поливаемы серой. Так это изображает художник в верхней части картины. Таким образом, пророк упоминает это, указывая на неизменные константы, такие как, пальма, которое никогда не потухнет, стоны и скрежет зубов, вечная пытка.

Он говорит, не глядя на меня, как-бы разговаривая сам с собой.

На протяжении веков, считалось, что пламя и лед, то есть, жара и холод, являются самыми ужасными истязаниями в месте вечного наказания. Великий поэт древности описывает часть ада как пламенный дождь, и другую часть, там, где находятся предатели, как полностью состоящую из льда. Демон, как правитель этого потерянного места, находится по пояс в замороженной поверхности. Он плачет своими шестью глазами, и шевелит своими шестью бешеными крыльями.

Я представляю себе ад, состоящий из льда. Аид был бы раем, в сравнении с этим. Пытка в бесконечном оцепенении. Но то, что сейчас испытывает мое тело, это жар. Сильный жар, который продолжается, по мере того, как отец Мисаэль продолжает свои объяснения и перекрывает мне воздух своим близким присутствием, таким близким. Я принимаю его слова, как доказательство его духовной мудрости. Более не хочу ему надоедать моими фривольными вопросами. Прошу у него благословения и он мне его дает, после чего следует священный поцелуй в губы.

*

Мы решили, что на ужин будет хлеб, немного вина, и для него стакан сока. За столом мы разговариваем на интересующие его темы. Я смотрю ему в глаза, объясняя концепции о том, как чувствовать святой дух и, в то же время, трогаю тыльную сторону его руки. Потом смещаю руки к его лицу. Мое лицо резко краснеет. Ласкаю его щеки и в снова целую его, в этот раз более глубоко.

*

Трепещет отвратительный поцелуй, который отметит путь к предательству и преисподней.

*

Я у него в комнате и он мне указывает на бежевую пижаму. Он мне говорит, что я готов служить представителю Бога в этом мире, и впредь буду духовный помощник. Он мне объясняет, что сутана, это единственное священное одеяние, которое есть у человечества. Моей новой задачей будет помочь ему раздеться и одеть одежду для сна. Мне кажется, это очень простая задача и я рад служить святому отцу, чистому сыну божьему.

*

Его руки медленно движутся по моим бедрам. Они мне кажутся теплыми, исцеляющими, беспокоящими и приветливыми. Удерживаю стон. Я трепещу, чувствуя его дыхание на уровне моего паха без одежды, колыхание моих волос, притягиваемых магнитной волной его кожи, бороздящей мою кожу своими непорочными пальцами. Теперь моя грудь подвержена удовольствию не от мира сего. Моя кожа покрывается мурашками. Я покорен этим движением. Я покорен контактом с его целомудренной кожей. Складки моей рубашки колышутся по мере того, как ее медленно расстегивают. Я вскрикнул, но не останавливается. Похоже на то, что он начал пытку, ощущая себя палачом, который не хочет, чтобы жертва убежала. Я чувствую, что этот момент моего существования жизненно необходим. Я обнимаю его и в таком положении остаюсь некоторое количество времени, которое не берусь считать. И я же отдаляю его от себя. Он одевает меня с неожиданной ловкостью. Удушье охватывает мое тело. Следуя формальностям, он становится на колени и просит его благословить. Я его благословляю и целую в густую гриву. Я предчувствую, что моя душа не будет спокойна до тех пор пока я не удовлетворю свое тело. Мое тело не будет спокойно до тех пор, пока не приступит к тому, от чего отказывается моя душа. Я не могу больше держаться и лежа в кровати отдаюсь одиночному удовольствию. А потом пустота. Все утро я молюсь о своем спасении.

*

Святой отец соглашается с тем, что его душа повержена, и покорно полагается на волю божию. Он падает ниц на полу из холодной плитки и молится, лицом вниз. Отец мой, если это возможно, не допускай, чтоб я испил из этой чаши. Но, все таки, пусть будет не то, что я хочу, а то, что хочешь ты. Утешенный тем, что он переложит ответственность за свою душу, отец Мисаэль пытается отдохнуть, но у него так и не получается заснуть. Он высовывается из окна, и, наконец-то, чувствует бриз, ударяющий в его лицо и умиряющий продолжительный жар.

Парень вошел в глубину сна, и вместе с ним, несчастье кошмара, который его не оставляет. На этот раз, он пробует, несмотря на хрупкость своего строения, сбежать от гигантского чудовища, который вот-вот ухватит и вознесет ввысь его на своих клыках. Он знает о том, как неминуемо заканчивается эта история. Его потом будут капли крови, которые упадут на землю. Волна жара отпечатавшаяся в воздухе, бессмысленно проходит по ледяному телу парня.

Мы все знаем, что Бог, будучи духом, самым верховным, ничего не чувствует. Как минимум, не так как несчастный человек, как минимум, не так как этот бедный страдающий парень, стоящий на пороге ада, который так и не наступает. Время спать, святой отец, отдыхай, завтра мир принесет новые события. Бог не понимает твои страдания.

Колоссальный груз давит на плечи отца Мисаэля. Обессиленный, он ложится на кровать и закрывает глаза. Кошмар с ножом и ушами снова появятся из темного убежища вины.

ПЯТНИЦА

Сладость и горечь

Panem nostrum quotidianum da nobis hodie...

Первая остановка

Рот открывается в зевке, который превращается в бесслышный крик. Распухший язык заставляет его сухо сглотнуть, почувствовать обычную утреннюю горечь. Он вспоминает падение прошлой ночи. Это уже не первый раз, как он подражает древнейшей практике Онана, но может сказать себе, что он отошел от греха и искупил его долгим путем искупления и утомительных дней раскаяния. Самые простые желания превратились в подвижный хор, который внутри его тела, требует удовлетворения, которые его душа не может позволить. И этот факт выносит наказание. Он ощущает, что тело грязно, что душа его нечиста, испытывает отвращение перед своими гениталиями. Его руки покрыты выделениями и он наблюдает за легким следом, что выделяется. Он встает с кровати и моет руки, используя большое количество мыла. Начинает молиться.

*

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

Прости меня, возлюбленный отец, если велики мои ошибки, твоя доброта еще больше. Прими мою молитву. Не отдаляй меня от себя. Я стараюсь действительно держаться, Отец, этот груз давит на мои плечи и угнетает меня. Помогите мне оставаться на ногах, не допусти сойти мне с пути, не позволяй мне упасть во грех. Будь моим защитником. Будь моим гидом. Помогите мне, Господи, быть устойчивым в твоём слове.

*

ТРЕТЬЯ ОСТАНОВКА

Это хорошо, и правда, чувствовать уважение, которое испытывают к представителю Бога на земле. Эти сеньоры отлично заместили меня во время подготовки и я предчувствую отличное представление показываемое мальчиками. Какие они стройные. Особенно мой, переодетый в порицаемого и полуголого мужчину, прикованного к дереву. Импульс провоцирует меня на то, чтобы рассмотреть его вытянутые, бледные ноги, его провоцирующие ступни, бугорок образовавшийся у его штанов, вызывающий в моей голове не слишком благопристойные картинки, которые я убираю, возобновив молитву. Чувствую, как часть меня просыпается. Прошу небеса избавить меня от предательства тела.

*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Как избежать, возлюбленный Отец, соблазнения дьявола. Как. Дай мне сил. Я прибегаю к твоему слову, к твоему священному слову и успокаиваюсь.

После коротких призывов, с удивлением нахожу себя разглядывающим в священной книге портрет святой девицы. Рассматриваю линии, вырисовывающие ее профиль, взгляд воздетый к небу, великолепие, с которым маленький ребенок прижался к ее плечу, еще не понимающий, какая судьба ему уготована. Парень зовет меня. Оставляю Библию почти на краю стола. Портрет кладу в карман моей рубашки и выхожу. Еда пересолена, но я не ругаю парня за это. Сыр, напротив, доставляет удовольствие моему небу и нейтрализует ощущение избытка соли. Сладкая горечь вина компенсирует смесь этих двух противоположностей.

*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Я внимателен к поведению парня, в углу губ которого родилось выражение, позволяющее мне думать, что он хочет заговорить.

Отец, я думал над тем, о чем мы вчера говорили и не хочу попасть в ад. Я хочу соблюдать божьи предписания.

Я смотрю на него с удивлением. Его слова дают мне опору, чтобы выдержать мучающий меня груз, отгородиться от прошлого, наполненного желанием, который предстает предо мной как легкая уловка, нахальная, искушающая, вредная и закончить с моими намерениями.

Ты их будешь соблюдать, звучат в столовой мои слова, в то время как меня заполняет головная боль. Невыносимый звонок врывается своими звуками.

*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Парень направился к двери. Я же, со своей стороны, лег на диван, с таким ощущением, будто тысячи иголок впиваются в мой череп. Рассматриваю анатомию сеньоры Саломеи, которая приближается, чтобы успокоить мою боль, в компании с приветствующим ее Томасом. Исходя из ее жестов, я прихожу к выводу, что я взопрел, раз она обмахивает меня платком. Она что-то объясняет парню, который направляется на кухню. Моя голова разрывается. Потом я пью подслащенную воду с лекарством. Все произошло из-за потери равновесия моего артериального давления. Они оба настаивают на том, чтобы позвать врача, но я наотрез отказываюсь. Сеньора Саломея приближается еще раз, осушает мое лицо, вытирая его от пота, который я выделил во время транса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.